

Идейное содержание поэмы

А. Цинговатов

Поэму «Двенадцать» Блок создавал по горячим следам Октября. Октябрьскую революцию поэт воспринял как «стихию» и слухом поэта-символиста ощутил первый и, скорее всего, ее «единый музыкальный напор», музыку девятого вала:

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем Божьем свете!

Поэма написана в два дня.

«В январе 1918 г. я в последний раз отдался стихии... Во время и после окончания “Двенадцати” я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг, шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)... поэма написана в ту исключительную, и всегда короткую, пору, когда проносившийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства... Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над нами. Я смотрел на радугу, когда писал “Двенадцать”...»

Революционно-романтическая поэма «Двенадцать» — самое крупное, самое значительное художественное произведение эпохи 1917–1918 года. Действие разворачивается в Петрограде в октябре. Революционная вьюга бушует по улицам северной столицы, грозя разгуляться на весь мир. Поэма написана четкими штрихами, резкими мазками, в сущности двумя красками: черной (стихия насилия, крови, жестокости) и белой (стихия подвига, героизма, правды святой) — и удивительно богата музыкальными ритмами и мелодиями, в которых так и слышатся голоса то народных речитативов:

Старушка, как курица,
Кой-как переметнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб! —

то солдатских песен:

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить! —
то городских романсов и частушек:
Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

В словах поэмы так и чудятся переливы снежной вьюги и перекаты революционной пурги:

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Поэт не только принял Октябрьскую революцию как стихию и не только этически оправдал ее как «возмездие», но и освятил и увенчал высшей — по его разумению — мерой: именем Христа.

«Когда я кончил, – признается поэт, – я сам удивился: почему же Христос? Неужели Христос? Но чем больше я вглядывался, тем явственнее я видел Христа...»

«Разве я “восхвалял”? – спрашивает Блок в дневнике. – Я только констатировал факт: если взглядеться в столпы метели на этом пути, то увидишь Иисуса Христа»

Н. Оскольский

«Двенадцать» принадлежат к тому удивительному роду произведений, которые столь же хрестоматийно известны, сколь до сих пор недооценены.

Высокий реализм блоковской поэмы не поддается простому истолкованию, его невозможно «разъять, как труп».

Облик эпохи, революции, ее героев и жертв возникает из порывистых, как облака метели, строк поэта:

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Как будто снова повторяется рождение суровой и грозной красоты, не из пены южного моря, как появилась Афродита, а из режущих лицо «кружев» северной метели:

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

...

И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...
Вперед, вперед,
Рабочий народ!

«Двенадцать» — одно из самых загадочных произведений русской поэзии, одно из самых вроде бы однолинейных по сюжету, который так просто изложить в немногих словах.

Поэму эту заманчиво легко реконструировать: сначала дать ряд гротескно заостренных фигур уходящего мира — попа, «писателя-витии», барыни в каракуле и перепуганной старушки, крикливых проституток, маячащего на перекрестке буржуа и его подобия — пса, потом вывести на сцену красногвардейский патруль, воспроизвести разговоры Петрухи с товарищами, сцену встречи с Катькой и Ванькой...

Но мы должны воспринимать эту поэму прежде всего в реальной общественной и литературной действительности 1918 года, в атмосфере всей русской истории, литературы, искусства, предшествовавших великому перевороту.

Тогда вьюга, бушующая в «Двенадцати», уже совсем перестанет казаться только произведением январской погоды 1918 года или даже однозначным аллегорическим выражением революции, а сделается реальным воплощением бурлящего «варева» истории, бури мыслей, надежд, наплывающих образов и ассоциаций, которая неслась в головах тогдашних людей.

«Несмотря на ее небольшой объем (всего 335 строк, из которых около половины одно- и двусловных), в ней «скрестились» основные вопросы русской истории», — пишет Л. Долгополов.

Блок не только имел право сказать в статье «Интеллигенция и революция», что перед ним та Россия, которую «видели в устрашающих и пророческих снах наши великие

писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой»:

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..

Его поэма во многом запечатлела воплощение этих «видений» жизни. Достоевский остро чувствовал *призрачность* старого Петербурга, его оторванность от существования России, и ему казалось, что настанет момент, когда этот город как бы исчезнет, словно растает в воздухе. В этом воплощена была тревожившая Достоевского мысль о непрочности сияющей золотом придворных мундиров, блеском касок, возвеличенной казенными публицистами империи.

И вот в поэме Блока как бы воплощается это грозное пророчество. Если в первой главе мы еще встречаем фигуры, как-то связанные с недавним царским Петербургом, то в дальнейшем пейзаж города разительно меняется, вьюга словно сметает с улиц все напоминовения о прошлом:

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского...

Блок призывал современных ему художников «слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух».

Этот образ из гоголевских «Мертвых душ» совершенно созвучен его собственной поэме.

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

Двенадцать красногвардейцев — сродни птице-тройке, перед которой сторонятся окружающие страны и государства.

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови...

Это даже не угроза! Пожар уже бушует в поэме, вздымается вокруг снежными языками разыгравшейся вьюги, которая смела с лица земли недавно красовавшийся здесь «Санкт-Петербург», его чиновных жителей, мнивших себя солью российской земли.

«Что же вы думали? — спрашивает Блок бывших “оптимистов” в статье “Интеллигенция и революция”. — Что революция — идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ — паинька?.. И, наконец, что так “бескровно” и так “безболезненно” и разрешится вековая распря между “черной” и “белой” костью, между интеллигенцией и народом?»

Блок чутко и верно понял, что ревущий поток революции сложился из множества «капель» — неисчислимо разнообразных побуждений, обид, проклятий, мстительных упований и высоких надежд.

И в какую бы кровавую, подчас совсем несправедливую по отношению к тем, кто «подвернулся под руку», жестокую расправу, бесцельное разрушение ни превратился этот гневный порыв, Блок никогда не забывает, что где-то в глубине, у самого его истока, всегда таится реальная, по-человечески понятная причина. Поэтому для него самая «черная злоба» — все-таки «святая злоба».

Н. Горбунов

О чем поэма Блока? Это последовательное завершение самых существенных элементов творчества Блока. С политикой, партийными программами, боевыми идеями она, как и все творчество поэта, не имеет никаких точек соприкосновения; ее проблема — не политическая, а религиозно-нравственная.

Идейное содержание поэмы Блока «Двенадцать» помогают раскрыть образы 12 красногвардейцев, которые несут в себе самые разнообразные возможности. Какие? Вплоть до шального разгула, в котором бессознательно проявляется их освобожденная сила, и сведения личных счетов, в которых, однако, таится зерно давней, в сущности — классовой обиды. Как грозная туча, омрачающая небо, возникают в их душе отголоски первобытного, дикого бунта; стремления почувствовать себя хозяином хоть на час, «позабавиться» испугом в глазах былых «хозяев жизни», насладиться их унижением, обострить чувство перемены в жизни испытанным старым средством «поднятия духа»:

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче гольгѣба!

Вековое недовольство слишком часто вспыхивало в русской истории чадающим пламенем слепого бунта.

Иванов-Разумник

«Двенадцать» — поэма о революционном Петербурге конца 1917 — начала 1918 года, поэма о крови, о грязи, о преступлении, о падении человеческом. Это — в одном плане. А в другом — это поэма о вечной, мировой правде той же самой революции, о том, как через этих же самых запачканных в крови людей в мир идет новая благая весть о человеческом освобождении. Ибо ведь и двенадцать апостолов были убийцы и грешники.

В пятой главе Деяний апостольских рассказывается, как апостол Петр убил (не из «винтовочки стальной», а словом уст своих) мужа и жену, Ананию и Сапфиру, за то, что утаили они часть имущества своего от христианской коммуны: «паде же абие перед ногами его, и издше».

«И бысть страх велик на всей церкви», — эпически прибавляет бытописатель.

Что же, и здесь Христос? Здесь его нет, но мимо этого, над этим — идет он впереди двенадцати, посланных им в мир.

И впереди «двенадцати» поэмы — двенадцати убийц — впереди разыгравшегося с красным флагом ветра, —

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди Иисус Христос...

И не может он не идти впереди этих «двенадцати», если подлинно за ними, хотя бы и помимо них, стоит то мировое, которое слышится нам теперь в грозе и буре.

В. Назаров

Поэма Блока «Двенадцать» об убийстве. Где же Катька? Где Петруха? Все там же. Лежит убитая Катька — «Мертва, мертва! Простреленная голова!»; и у Петьки руки в крови; и ничем не смыть эту кровь. Это — его внутренняя трагедия, если он до нее дорос. Но мировой вихрь, но сознание высшей иной правды, но испытание в грозе и буре — сделали черного злодея одним из «двенадцати». И разве мы забываем, что у сораспятого

«разбойника благоразумного» руки, быть может, обогреты в человеческой крови? Не забываем и не прощаем, — это только сам Распятый мог простить. Но на высоте мировой трагедии Голгофы говорит ли нам об этой крови «благая весть»? И говорит ли она нам о том, что, быть может, и другой сораспятый разбойник, «безумный», не услышавший слова прощения, вместе с первым «будет днесь в раю»?

На высоте ныне совершающейся мировой трагедии выдерживают испытание в грозе и буре символические «двенадцать». Когда постигаем мы мировой захват совершающегося — нет для нас больше Петрухи, нет сигарки в зубах, нет примятого картуза, бубнового туза на спине... Точнее, это все есть, но сквозь это, но через это мы видим то, что показывает нам в «Двенадцати» поэт. Мы видим, как:

...идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль.

И чудо поэтического творчества заставляет нас в слове «вдаль» видеть не только петербургские «переулки глухие, где одна пылит пурга», а даль мировую, где «пурга пылит им в очи дни и ночи напролет»...

Поэт через сгорбленные спины, «рваное пальтишко, австрийское ружье» заставляет нас видеть, как двенадцать «вдаль идут державным шагом»... Ибо видим мы теперь то великое, мировое, что таится здесь за малым, слишком человеческим. И вся глава поэмы твердо и чеканно подготавливает нас к последним ее стихам:

...Вдаль идут державным шагом...
— Кто еще там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный.
— Кто в сугробе — выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный,
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный, пес безродный...
— Эй, откликнись, кто идет?

Это не шелудивый пес с поджатым хвостом бредет за «двенадцатью», и не двенадцать мы видим за снежной вьюгой, а двенадцать, несущих миру новую, благую весть избавления. В последних строках звучит новая, благая весть, возвещающая всему миру:

...Так идут державным шагом...
Позади голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос...

С. Петров

В чем идея поэмы Блока «Двенадцать»?

В свое время христианская революция рождала в мир нового человека, духовно свободного — и потерпела крушение на встречном замысле старого мира: духовно свободного оставить все же физически, экономически, социально, а потому и духовно поработанным. С этим «взрывом изнутри» бывшей духовной революции старым миром вступила теперь в борьбу революция социальная, и ее благая весть — прежняя: освобождение человека. Но на этот раз — освобождение полное: физическое, социальное, духовное:

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Когда старый мир этот в образе «безродного пса» ковыляет, пожав хвост, за державным шествием мира нового, мы не верим ему, так как слишком хорошо знаем его силы. Это только для ослепленных глашатаев новой, благой вести может казаться, что старый мир уже побежден, что «жметса шерстью жесткой поджавши хвост паршивый пес»...

Нет, поэт хорошо видит, что злобно «скалит зубы волк голодный», что от него штыком не отмахнешься, что он, ковыляя позади, ждет только минуты, когда можно будет наброситься и растерзать носителей мира нового:

Впереди — сугроб холодный,
– Кто в сугробе — выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

В грозе и буре революции задана эта загадка старому миру. И Александр Блок сумел показать это не отвлеченными словами, а живой тканью поэтического творчества. Вот почему поэма «Двенадцать» десятилетия будет жить в русской литературе, являясь откликом души русского поэта на стихию русской, на стихию мировой социальной революции:

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!